

* «Выдавать рыбий глаз за жемчуг» (魚目混珠) — обр. в знач.: выдавать фальшивое за подлинное.

Всю ночь напролёт осенний ветер вздымал тысячи дождевых нитей и множество опавших листьев павловнии.

Су Ваньжун прислонилась к кушетке, и её подведённые черной краской брови изящно приподнялись. Она медленно помешивала медной лопаткой красные угли в жаровне, пока полный чайник Лунцзина*, бурля и шипя, наполнял комнату ароматом чая.

* Лунцзин (龍井) — «Колодец дракона», известный чай из Ханчжоу.

Су Ваньжун мягко улыбнулась:

— Мы с Вэнь Юэхуа звали друг друга сёстрами. Раз ты взял её дочь в жёны, что плохого в том, чтобы ты называл меня тётушкой* Су?

* Тётя (姨), в одном из значений сестра матери.

Чжу Ди смущённо промолвил:

— Здравствуйте, тётушка Су. Это... Сколько вам лет, тётушка Су? Этому младшему князю действительно... трудно так к вам обращаться.

Су Ваньжун, не теряя улыбки, беззаботно ответила:

— Сорок семь.

«...»

Чжу Ди с кислым выражением лица ответил:

— Выглядите вы почти как ровесница Вэнь-эр... Лучше уж буду звать вас госпожой Цзян.

Су Ваньжун фыркнула со смеху:

— Князь весьма красноречив.

Чжу Ди задумался, затем сказал:

— По правде говоря, вчера со мной в город вошёл один из телохранителей. Этот мой пекинец ничего в жизни не видал, и в столице, не успел я оглянуться, как он уже потерялся. А Цзян-лао, он...

Су Ваньжун перебила его:

— Лао Цзян уехал на родину встречать Праздник середины осени со своей престарелой матерью и ещё не вернулся.

Чжу Ди кивнул и продолжил:

— Этого телохранителя зовут Чжу Фэн. Не знает ли госпожа Цзян...

Су Ваньжун насмешливо ответила:

— Не припоминаю никаких «бешеных свиней» и «свиных младших братьев»*.

* Имя «Чжу Фэн» созвучно с «бешеная свинья», а «Чжу Ди» с «свиной младший брат».

Эти слова косвенно оскорбляли и самого Чжу Ди. Он это понял и, усмехнувшись, ответил:

— Что ж, если так, видимо, он уже покинул город. Этот младший князь откланивается.

Цзян Хуань занимал при дворе столь высокое положение, что считался почти что дядей для всех удельных князей и наблюдал, как они росли. Чжу Ди не смел нарушать приличий и, сложив руки в почтительном поклоне, попрощался с Су Ваньжун. Госпожа Цзян уже было собиралась встать, чтобы проводить его, но Чжу Ди поспешно сказал, что это ни к чему, и сам вышел из особняка.

Однако в тот же миг лицо Су Ваньжун потемнело, когда оба услышали шум за воротами усадьбы. Теперь уж пришлось встать, хотела она этого или нет.

В полдень в Четвертом переулке собралась толпа стражников Полуденных ворот, каждый с охотничьей собакой на поводке. Они обнюхивали следы, плотным кольцом окружили задний двор усадьбы семьи Цзян, а затем подошли ко главным воротам.

Кто-то громко прокричал:

— Чья это усадьба?! Вы укрываете государственного преступника, жить надоело?!

Но едва он успел это выкрикнуть, как более опытный товарищ поспешно зажал ему рот и

прошептал:

— Это дом Цзян Хуаня!

При упоминании Цзян Хуаня все стражники невольно содрогнулись. Однако один из более осведомлённых гвардейцев произнёс:

— Ничего, старый пёс Цзян уехал домой, теперь во дворе остались только женщины... да несколько старых слуг. Они не смогут оказать сопротивления. Братья, за мной.

Они сделали шаг вперёд, как вдруг ворота со скрипом распахнулись.

Стражники подсознательно отступили на полшага назад.

Су Ваньжун, поправляя рукава с вышитыми розовыми лотосами, с натянутой улыбкой произнесла:

— Господа, чем могу служить?

— Э-э... — Перед ними стояла сама госпожа Цзян, и просто так врываться было не очень хорошей идеей. Начальник стражи заметил за её спиной богато одетого мужчину с дерзкой ухмылкой и сразу решил, что нашёл зацепку. Подумав, он ответил:

— Прошлой ночью в императорский дворец проник убийца и потревожил покой Его Величества. Великий воспитатель приказал обыскать весь город, и в результате поиски привели к усадьбе Цзян-лао. У нас нет иного выбора, кроме как попросить госпожу разрешить братьям войти и провести обыск...

Су Ваньжун приподняла брови:

— Вы уже обыскали весь город? Остался только наш дом?

Стражник смущённо пробормотал:

— Ну... — Не успел он договорить, как десятки свирепых псов разом рванули во двор, остервенело залаяв. Их сила была такой, что стражи едва не повалились на землю, с трудом удерживая поводки.

В мгновение ока Су Ваньжун взмахнула рукавом, и тут же из-под шелковой ткани бесшумно выскользнул холодный блеск. Вслед за этим раздался сдавленный визг. Голова одной из гончих, описав в воздухе дугу, отлетела далеко в сторону, а из перерубленной шеи хлынула

кровь!

Стражники в один голос вскрикнули. Только теперь они разглядели, что скрытым оружием был резцовый нож, соединённый с рукоятью тончайшей нитью из ледяного шелка.

Су Ваньжун лёгким движением вернула нож в ладонь, будто ничего не произошло, и равнодушно произнесла:

— Раз вы обыскали ещё не всё, сперва начните с других домов.

— Ты! — начальник стражи вдруг пришёл в ярость. — Тебе не занимать смелости!

Су Ваньжун спокойно ответила:

— И что с того?

Пока она говорила, её пальцы цвета белого нефрита вращали резцовый нож. Играя с солнечными бликами на лезвии, Су Ваньжун продолжила:

— В прошлом этим ножом вырезали императорскую печать. Что с того, если теперь я убью им пару псов?

Если бы они, рискнув жизнью, помчались напролом, одолеть эту женщину не составило бы труда. Однако тот, кто бросится первым, неминуемо расстанется с головой. На мгновение воцарилась гробовая тишина. Никто не решался бросить вызов госпоже Цзян. Стражи растерянно переглядывались, но так и не смогли придумать, как поступить.

Су Ваньжун холодно произнесла:

— Если хотите обыскать усадьбу семьи Цзян, сначала добудьте Императорский меч. Или предъявите высочайший указ. Если ни того, ни другого у вас нет, извините, Ваньжун не станет вас больше задерживать. Вашим родителям нелегко было вас растить, братцы.

Она уже развернулась и собиралась уйти, а Чжу Ди так и не решил, оставаться ему или уходить, как вдруг появился его долгожданный спаситель.

— Цзиньвэй исполняют императорский указ! Посторонитесь! — издали раздался голос Юньци.

Он шёл во главе десятка стражей Цзиньвэй. Увидев, что усадьба Цзян Хуаня окружена вооружёнными людьми, те мгновенно пришли в ярость.

— Откуда тут собрались эти поганые шавки?! — Жун Цин прокричал так, что казалось, будто его голос может расколоть небеса.

— Стойте, стойте... — поспешно окликнул их Юньци.

Тогда стражники Полуденных ворот, почуяв неладное, уже начали отступать. Жун Цин и остальные стражи Цзиньвэй не могли сдержать ярость. Цзян Хуань был их бывшим командиром, и окружение его усадьбы было для них равносильно оскорблению родителей, поэтому они мгновенно забыли о приказе Юньци. Десять с лишним человек выхватили из ножен мечи Сючунь и, пришпорив коней, пронеслись по переулку. С громким криком они бросились в атаку на стражей у ворот.

Бедные гвардейцы, посланные ловить государственного преступника, оказались в отчаянном положении. Если бы они не отступили, то неминуемо разгорелась бы кровавая схватка. Но кто посмеет противостоять Цзиньвэй? В мгновение ока переулочек огласился людскими криками и собачьим лаем, пока стражники в панике бежали, едва не наделав в штаны.

Жун Цин, однако, не собирался останавливаться и бросился за ними в погоню. Тем временем Юньци спешил и вошёл во двор. Убедившись, что усадьба семьи Цзян не пострадала, а Су Ваньжун по-прежнему грациозно стоит у ворот, он наконец облегчённо вздохнул.

— Здравствуйте, шинян. Где шифу? — Юньци, сжимая в руке Императорский меч, почтительно сложил ладони и поклонился.

Су Ваньжун мягко ответила:

— Твой шифу уехал домой.

Юньци заметил Чжу Ди, с ухмылкой стоящего рядом. Сердце его сжалось от тревоги, и он не знал, как завести разговор. Тоба Фэн точно сбежал сюда.

Су Ваньжун оказалась чуткой и предположила:

— Ученик, ты тоже пришёл обыскивать усадьбу?

Юньци ответил:

— Да.

Су Ваньжун подняла руку и отвесила ему пощёчину. Хлоп! Звук был настолько резким, что Чжу Ди вздрогнул. На щеке Юньци тут же проступили отчётливые следы пяти пальцев.

— Входи, — равнодушно бросила Су Ваньжун, поворачиваясь к дому. Затем она добавила: — Янь-ван, всего хорошего. Простите, что не провожаю.

Юньци и Чжу Ди переглянулись, после чего последовали за Су Ваньжун внутрь.

— Знаешь, за что шинян тебя ударила?

Юньци шёл следом за Су Ваньжун и тихо проговорил:

— Шинян, у этого ученика не было выбора. Я думал, что ши-гэ успеет увернуться, я хотел, чтобы он быстрее ушёл... Рана серьёзная?

Пока он говорил, его глаза покраснели, а от бессонной ночи лицо выглядело ещё более бледным.

Су Ваньжун повела его наверх, хмыкнув, затем добавила:

— Не смертельно. Сейчас, когда император скончался, а внук императора ещё не взошёл на престол, у шинян ещё есть смелость так поступать. Но тебе нужно вывезти его из города до восшествия внука императора на престол. Если опоздаешь хотя бы на день, то будут большие неприятности. Понял?

Юньци молча кивнул. Он понимал, что столица сейчас находилась в состоянии беззакония. Если бы Су Ваньжун укрывала государственного преступника при жизни Чжу Юаньчжана, то вся семья Цзян Хуаня, и стар и млад, подверглась бы истреблению до девятого колена. Эта мысль заставила его содрогнуться.

Разговаривая, они вошли в боковую комнату на чердаке. Су Ваньжун распахнула дверь и вскрикнула:

— Где он?!

Юньци в оцепенении смотрел на покрывало. Постель была смята, а под подушкой виднелось небольшое пятно засохшей пурпурно-чёрной крови.

Тоба Фэн, который ещё недавно лежал здесь, залечивая раны, неизвестно когда выбрался через окно и сбежал.

Чжу Ди пешком вышел из Четвёртого переулка, прошёл мимо Министерства финансов и направился ко входу в императорский дворец.

Удельный князь, приехавший ныне в столицу, не удостоился от императорского дворца даже кареты. Но Чжу Ди, привыкший к тяготам, не придавал этому значения. Он медленно шёл, погружённый в раздумья.

Теперь он понимал, что недооценивал Юньвэня. За годы после смерти Чжу Бяо в отношениях между Юньвэнем и Юньци, похоже, произошли какие-то перемены?

У входа в Министерство финансов правого помощника министра с грохотом вышвырнула на улицу группа разъярённых стражей Цзиньивэй, и он упал прямо к ногам Чжу Ди.

Уголок рта Чжу Ди дёрнулся. Он понял, что среди стражников, которые утром окружили усадьбу семьи Цзян, наверняка был малец кого-то из Министерства финансов. Вот и пришлось несчастному отцу расплачиваться за выходку своего отпрыска.

— Почтенный, прошу, поднимайтесь, поднимайтесь, — Чжу Ди с улыбкой помог встать правому помощнику министра, затем обратился к Жун Цину: — Ладно, хватит...

Правый помощник министра с кислым выражением лица пробормотал:

— Вернусь домой и как следует отчитаю этого щенка...

Но стражи Цзиньивэй и не думали успокаиваться. Они шумели, словно стая задиристых хулиганов.

— Янь-ван, спасите! — правый помощник министра вцепился в пояс Чжу Ди, громко рыдая. Но тот заметил в переулке знакомый силуэт. Нахмурившись, он оттолкнул чиновника и бросился вперёд.

Обернувшись, Чжу Ди крикнул:

— Жун Цин! Проучи его как следует!

Таким образом, он отвлёк Цзиньивэй и помчался к перекрёстку.

Чжу Ди пробежал пол-улицы, преследуя тень, и только у задних ворот дворца тихо свистнул. Тоба Фэн, беспокойно озираясь, вышел из-за дерева.

— Ты... — гневу Чжу Ди не было предела. — Почему ты не лежишь в усадьбе семьи Цзян, куда ты уполз?!

Тоба Фэн был всё в той же форме телохранителя резиденции Янь-вана, но расстегнул верх

парчовых одежд, позволив им болтаться на поясе. Его обнажённый торс, покрытый бронзовой кожей с рельефными мышцами, теперь был обёрнут повязкой, из-под марли на плече и спине вновь проступала кровь. Видимо, во время побега раны открылись.

Чжу Ди так сильно толкнул Тоба Фэна, что тот отлетел назад, и рявкнул:

— Мы же договорились! Сначала я подхожу, а потом уже ты бросаешь нож!

Тоба Фэн задумался, затем ответил:

— Что? Повтори ещё раз. В тот момент я увидел Юньци на городской стене, всё моё внимание было приковано к нему, и я не расслышал, что ты сказал.

«...»

Чжу Ди с горечью воскликнул:

— Я сказал... чтобы ты подождал, пока я подойду ко внуку императора! А потом ты должен был бросить сквозь окно скрытое оружие!! Чтобы разыграть спектакль и дать мне возможность спасти внука императора!

Тоба Фэн наконец понял:

— Понял. Повторим.

Чжу Ди не знал, смеяться ему или плакать:

— Какое ещё «повторим»?! Зачем ты только что снова пролез во дворец?

Тоба Фэн ответил:

— Я пролез во дворец, чтобы увидеть Юньци. Но его там не было.

Чжу Ди скорчил угрюмую гримасу:

— Он в усадьбе семьи Цзян! Ты промахнулся, болван!

Тоба Фэн лишь произнёс «А», а затем добавил:

— Когда я проходил мимо зала Тайхэ, то услышал, как внук императора, Хуан Цзычэн, Ли Цзинлун и Фан Сяожу обсуждают тебя.

Чжу Ди заторопился:

— Ты-ты-ты... быстрее уходи, вернёмся к этому вопросу за городом.

Тоба Фэн кивнул и развернулся, чтобы уйти.

Но тут Чжу Ди спохватился:

— погоди. О чём они говорили?

Тоба Фэн ответил:

— Дай мне немного серебра. Я должен вернуть деньги шинян.

Чжу Ди скрипел зубами от злости:

— Сколько?

Тоба Фэн сказал:

— Двенадцать лянов.

«...»

Глаза Чжу Ди округлились:

— Когда ты успел столько занять?! Су Ваньжун ещё и ростовщичеством промышляет?!

Тоба Фэн объяснил:

— Я брал деньги с десяти лет. Пять лет. По два цянй* в месяц.

* 1 цянй 1/10 ляна.

Чжу Ди предложил:

— Дам десять лянов.

Тоба Фэн стоял на своём:

— Двенадцать.

Чжу Ди вспыхнул:

— У меня столько нет с собой! Какие такие новости ты подслушал, чтобы вымогать у этого князя двенадцать лянов?!

Тоба Фэн ответил:

— Это рыночная цена.

«...»

Стиснув зубы, Чжу Ди достал два серебряных слитка и протянул Тоба Фэну, затем снял с пальца нефритовое кольцо для стрельбы из лука и сердито буркнул:

— Возьми кольцо и заложу его. Теперь говори, что услышал. Подробно. Передавай дословно, кто что сказал. За двенадцать лянов я требую полного отчёта!

Тоба Фэн бесстрастно продолжил:

— Великий воспитатель сказал, что ты замышляешь мятеж, и предложил внуку императора посадить тебя под стражу. Внук императора ответил, что ты не посмеешь бунтовать, а идея с заточением дурная. Фан Сяожу заявил, что предложение Хуан Цзычэна вовсе не дурное. Ли Цзинлун поддержал внука императора, сказав, что совет Великого воспитателя действительно никуда не годится. Великий воспитатель в ответ заявил, что слова Ли Цзинлуна о том, будто внук императора считает его совет дурным, ошибочны...

«...»

Чжу Ди вздохнул:

— Этот князь ошибся, Фэн-эр. Просто скажи мне, к какому решению в итоге пришёл внук императора.

Тоба Фэн ответил:

— Внук императора решил тебя не казнить, но и не отпускать. Он приказал заточить тебя во внутренних покоях дворца, а после похорон императора отправить в Ханчжоу.

Чжу Ди кивнул. Тогда Тоба Фэн добавил:

— «Ах, всё же он мой дядя».

Чжу Ди фыркнул, и Тоба Фэн внезапно сменил интонацию, подражая Фан Сяожу:

— «Внук императора! Не поддавайтесь женской мягкости! Четвёртый князь — волчонок с волчьим сердцем*, он за улыбкой прячет кинжал...»

* Досл. «у волчонка волчье сердце» (狼心狗肺) — обр. в знач.: злобный, неукротимый; неисправимый, трудновоспитуемый;

Пародия Тоба Фэна на Фан Сяожу была настолько точной, что Чжу Ди поперхнулся и едва не споткнулся. Он потянулся, чтобы взяться за воротник Тоба Фэна, но тот был с обнажённым торсом, поэтому ухватиться было не за что. Скрепя сердце Чжу Ди пробормотал:

— Ладно, одевайся и следуй за мной.

— Закрой лицо, на этой улице много знакомых!

— Чем?

— Сам придумай.

Тоба Фэн натянул верхнюю одежду на голову, разместил на макушке воротник, а шею втянул в рубаху, точь-в-точь как черепаха, спрятавшаяся в панцирь.

Чжу Ди вернулся к воротам усадьбы семьи Цзян и, указав на участок за оградой, приказал:

— Сиди здесь. Я что-нибудь придумаю. Сегодня же надо выбраться из города. Возвращаться во дворец нельзя.

Тоба Фэн безучастно кивнул и, сев на корточки у стены, замер.

Чжу Ди постучал, вошёл внутрь и через мгновение удивлённо спросил:

— Младший шурина, почему ты ещё здесь?

Юньци ответил со двора:

— Жду кое-кого.

Тоба Фэн приподнялся, словно собираясь войти во двор. Он сделал шаг, взгляд скользнул по пустынной улице, он передумал и снова прислонился к стене, вернувшись на прежнее место.

Чжу Ди глубоко вдохнул, не зная, что сказать. Тогда Юньци спросил:

— Почему ты вернулся?

Из зала раздался голос Су Ваньжун:

— Князь, что вам ещё нужно?

Юньци понизил голос:

— Проходи сам. Шинян сегодня не в духе.

Чжу Ди поспешно направился в зал, а Юньци отошёл в угол двора и, прислонившись к высокой стене, опустил на землю.

Между спинами Юньци и Тоба Фэна возвышалась стена. Юньци не знал, что Тоба Фэн находится по другую сторону, но тот чувствовал, что Юньци сидит именно там.

Они оба достали нефритовые подвески-Цилинь.

Юньци рассеянно поглаживал свою нефритовую подвеску-Цилинь, тихо напевая:

— Небо вечно, любовь бесконечна...

Тоба Фэн достал пастушью флейту и тихо заиграл.

Юньци затаил дыхание, вслушиваясь в звуки за стеной. Лао Ба? Нет, он никогда не умел играть на флейте...

Мелодия поздней осенью разливалась по пустому переулку. Одинокий лист павлонии медленно оторвался от ветки.

— Звук флейты должен быть неуловим, понимаешь! Неуловим? А ты всё отверстие слюной залил! — сердито сказала Сюй Вэнь. — Младший брат!

Маленький Юньци бестолково смотрел на неё. Сюй Вэнь выхватила у него флейту и с досадой от того, что железо не становится сталью*, воскликнула:

— Так не играют!

* «Досадовать, что железо не становится сталью» (□□□□□□) — обр. ждать от человека слишком многого.

Терпение маленького Юньци лопнуло, и он заявил:

— Больше не буду учиться!

Сюй Вэнь побледнела:

— Ладно, ладно, не учись. Так ведь можно и умереть от злости!

Маленький Юньци скривился и убежал.

— Звук должен быть неуловим. Нельзя же вдвухать внутрь столько слюней, — сердито произнесла Сюй Вэнь.

Тоба Фэн с нарочито озабоченным видом поднёс флейту к губам, неуклюже перебирая длинными пальцами отверстия.

Сюй Вэнь ловко выхватила у него флейту, сказав:

— Хватит учиться. Ты такой же бестолковый, как мой брат.

Но Тоба Фэн внезапно вытянул руку и снова забрал её, безэмоционально заявив:

— Я хочу учиться.

Сюй Вэнь отобрала флейту снова и гневно рявкнула:

— Некогда мне тебя учить. Катись отсюда!

Тоба Фэн снова выхватил флейту:

— Учи!

«...»

Сюй Вэнь фыркнула:

— Тогда тренируйся сам. Не буду я учить такого бестолкового ученика.

Тоба Фэн, не обращая на неё внимания, начал неуверенно дуть. Спустя долгое время отрывистые звуки постепенно сложились в связную мелодию.

Чжу Ди, лежавший в императорском саду, оторвался от книги и с рассеянным видом пробормотал:

— Кто это целый день воет, словно призрак?

— Юнь-эр!

Флейта умолкла. Юньци отряхнул парчовое одеяние и поднялся.

Су Ваньжун из зала приказала:

— Сходи на огород и выдерни редьку покрупнее.

Чжу Ди вскрикнул:

— Вы... госпожа Цзян!

Су Ваньжун с укором ответила:

— Всё равно ведь умрёте, князь. Так чего бояться?

«??» — Юньци был в полном недоумении. Су Ваньжун ещё пару раз подгоняюще позвала, и только тогда Юньци, так и не поняв в чём дело, отправился на задний двор за редькой.

Вернувшись во внутренний двор, Юньци с подозрением запрыгнул на высокую стену и, уцепившись за край, оглядел переулок внизу. Там никого не было.

Тоба Фэн прижался к карнизу над главными воротами, затаив дыхание. Слегка запрокинув голову, он увидел мелькнувший рукав Юньци, и сердце его болезненно сжалось.

Юньци спрыгнул вниз и вошёл в главный зал.

— Шинян, только что кто-то снаружи играл на флейте...

— Я слышала. Ту самую «Осень у границы», что лучше всех играла твоя мать. Не думала, что кроме твоей сестры в Нанкине найдётся кто-то, кто знает эту мелодию, — Су Ваньжун взяла у Юньци редьку, бросила ключ от замка на стол и, взяв резцовый нож, рассеянно продолжила: — Иди в кабинет Лао Цзяна. На верхней полке стоит запертый сундук. Достань оттуда жёлтый шёлк.

Юньци в шоке резко втянул воздух, и Су Ваньжун приподняла свои брови, похожие на листья ивы, с недовольством спросив:

— Что такое?

Юньци не посмел переспрашивать и отправился выполнять её распоряжение.

Чжу Ди растёр тушь, и Су Ваньжун приказала:

— Юнь-эр, подделай почерк внука императора и напиши на шёлке...

Юньци будто громом поразило. Су Ваньжун задумала подделать императорский указ!

Однако, как только Су Ваньжун начала диктовать, Юньци всё понял. Стиснув зубы, он начертил на жёлтом шёлке императорский указ о разрешении выезда из города.

Чжу Ди сказал:

— Спасибо, младший шурин.

Юньци вздохнул:

— Это мой долг. Благодарить следует шинян.

Су Ваньжун промолвила:

— Покойный император наказывал Лао Цзяну присматривать за князьями, чтобы не допустить

междоусобиц. Теперь Лао Цзян в отъезде, а я, женщина, мало что смыслю в этих делах... Больше ничем помочь не могу. Янь-ван, дальше действуйте на свой страх и риск.

Она вырезала из редьки императорскую нефритовую печать, обмакнула в киноварь и аккуратно приложила к жёлтому шёлку. Дело было сделано.

Чжу Ди не смел медлить. Свернув поддельный высочайший указ и спрятав его в рукав, он склонился в глубоком поклоне:

— Великая милость госпожи Цзян навеки останется в сердце этого младшего князя. В будущем непременно отблагодарю вас за заслуги.

Су Ваньжун улыбнулась:

— Ступайте. Передайте привет Вэнь-эр.

Проводив Чжу Ди, Юньци закрыл дверь и обернулся:

— Шинян, что всё это значит?

Су Ваньжун не успела ответить, как со двора влетели три предмета. Два серебряных слитка со звоном врезались в резные оконные рамы, а нефритовое кольцо, пролетев сквозь решётку, шлёпнулось по лицу Юньци, едва не сбив его с ног.

— Кто там?! — в гневе воскликнул Юньци.

Су Ваньжун не сдержала смеха. На лице Юньци уже вздувалась огромная шишка от удара кольцом. В ярости он бросился к двери, но вдруг знакомый голос снаружи поразил его, словно удар молнии.

— Ши-гэ будет ждать тебя в Пекине, — голос Тоба Фэна постепенно удалялся.

— Шинян, Фэн-эр уходит. До встречи.

Автору есть что сказать:

Нужно кое-что пояснить, поскольку в основном тексте это не совсем ясно:

«Чжу Ди так сильно толкнул Тоба Фэна, что тот отлетел назад, и рявкнул:

— Мы же договорились! Сначала я подхожу, а потом уже ты бросаешь нож!

Тоба Фэн задумался, затем ответил:

— Что? Повтори ещё раз. В тот момент я увидел Юньци на городской стене, всё моё внимание было приковано к нему, и я не расслышал, что ты сказал.

«...»

Чжу Ди с горечью воскликнул:

— Я сказал... чтобы ты подождал, пока я подойду ко внуку императора! А потом ты должен был бросить сквозь окно скрытое оружие!! Чтобы разыграть спектакль и дать мне возможность спасти внука императора!

Тоба Фэн наконец понял:

— Понял. Повторим.»

Дело было так: ещё за городскими стенами Тоба Фэн настоял на том, чтобы войти в город вместе с Чжу Ди. Тот, не видя иного выхода, наспех придумал план.

Согласно нему, Тоба Фэн попытается «убить» Чжу Юньвэня, а Чжу Ди вовремя придёт ему на помощь! Так он повысит уровень своей благосклонности у внука императора!~

В результате ши-гэ, этот тупица, увидев Юньци, совсем забыл о поручении и всё испортил.

«Осень у границы» основана на стихотворении Фань Чжунъяня «Гордый рыбак»:

С приходом осени тоска царит на северной границе.

Летят на юг без остановки гуси вереницей.

Закат над осажденною твердыней.

На скалах и на запертых воротах иней.

Столбами черный дым, труба трубит тревогу.

Я чашу подниму- вино горчит, так к дому далека дорога.

Пока не побежден враг северной страны,

На рубеже остаться мы должны.

Под горестные звуки флейт, морозной ночью нам не спится.

Прекрасно знает рано поседевший полководец: домой не суждено нам воротиться!*

* Перевод Вячеслава Челнокова.

Сейчас Нанкин находится в состоянии беззакония. Старый император скончался, а новый ещё не вошёл на престол.

И Хуан Цзычэн, и Су Ваньжун воспользовались этой брешью.

Когда шинян услышала от Чжу Ди про Императорский меч, она сразу поняла, что Хуан Цзычэн подделал указ.

Поэтому шинян может спокойно подделывать документы, а вот Великому воспитателю (хе-хе) за подделку указов в следующей главе достанется по полной~

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326076>